

местных особенностей не нарушался в ряде районов?... („Правда“ № 68).

Не следует забывать того обстоятельства, что из Петрограда и Москвы посланы руководить посевной кампанией 25.000 вооруженных коммунистов (заводской актив, коммунальные работники и прочие). Ударные бригады организуют налеты на колхозы, заводы, цеха... В Донской области на шахте имени Воровского в поверхностной ячейке среди опоры большевизма — шахтовых рабочих, не оказалось ни одного коммуниста! („Правда“ № 62).

На Кубани неразбериха и путаница страшная. В этот казачий край прислали два разнородных, противоречивых плана: один план посева составлен Крайзу, другой план Крайполеводсоюзом. По схеме Крайзу распределение рабочей смены производится по числу едоков, включая в это число женщин, детей и дряхлых стариков. По Крайполеводсоюзу рабочая сила распределена лишь по числу трудоспособных и наряд выписывается лишь на 5 дней (пятидневка) причем раб. бригадам предоставлено право самим назначать работу своим членам. По плану Крайзу наряд на работы выписывается сразу на 3—4 месяца...

„Чтобы выполнить план посева, нужно прежде всего звать его“ — пишут „Известия“ № 70, от 12 III. 30. Как изучаются и исполняются большевистские планы? На Кубани по 8 раз менялись планы посева и коллективизации! У подневольных исполнителей этих планов, невольно опускаются руки пред бумажным потоком и противоречивыми один другому циркулярами, распоряжениями и указами, наводившими Кубань — житницу б. России. В целом ряде Кубанских и Терских станиц еще до сих пор ничего не известно, ни о рабочих бригадах, ни о планах посева. В ст. Кушевской еще даже не получен план работ, бригады (не генералы, а советские командиры рабочих бригад) не имеют нарядов и не знают своих участков. Вообще, ст. Кушевская показывает как „не надо работать“ и плетется в хвосте других станиц: в ней собрано лишь 40% зерна для ярового посева. Во многих колхозах Майкопского района нет планов посева, посевная площадь не определена, рабочие бригады не созданы, руководители работ не выделены. В ст. Кужорской руководители отдельными отраслями хозяйства не знают своих обязанностей, не определены участки пахоты, тракторные бригады не знают своих заданий...

В первых числах марта при наступившей теплой погоде в некоторых Кубанских станицах приступили к севу. Колхоз ст. Троицкой засеял 440 г.; начался посев в ст. Кореновской, Елизаветинской и других. Сев уже начался, а еще не собрано и половинки зерна для планового посева. В Павловском, Новопокровском, Брюховецком районе едва удалось собрать лишь 47% зерна. Сальский и Донской округ проявляют мало энергии в сборе семян. В Белоглинском районе положение еще хуже и к севу не готовы ряд хуторов и станиц, собравших всего лишь... 8% зерна...

Не лучше обстоят дело и с тракторами, этим любимым детищем московского правительства. В ст. Кавказской стоят 16 отремонтированных (?) тракторов и не могут выехать в поле за отсутствием автомобильных свечей. Несмотря на острую нужду в тяговой силе, районные и окружные организации ведут бесконечную переписку, а тракторы бездействуют. („Известия“ № 73). На Кубани не отремонтировано 625 тракторов. Ремонт задерживается, большей частью, из-за недостатка запасных частей и технических работников. На днях в Кубанском и Армавирском округах вновь выявлено 100 „больных“, не годных для работы тракторов. Из ремонта машины выходят, по словам сельхозоров, нередко без крыльев, окраски, тормозов... Одна почищница мастерская ухитрилась выпустить автомобиль из ремонта без... колес! „Угроза невыхода яв. полевые работы сотен тракторов вполне реальна и с этим придется считаться в первую очередь“ — предостерегает „власть имущих“ № 70 „Известия“ от 12 III. 30.

Во многих станицах ремонта произведено вовсе не было, а „власть“ ограничивалась лишь „бумажными“ постановлениями: „отремонтировать с.-х. инвентарь и весеннему севу...“

Не „слава Богу“ также и с животноводством... В ряде районов Северного Кавказа кормовые запасы отсутствуют, скот кормится различными суррогатами; начался падеж и распродажа за бесценок оставшейся „худобы“. На днях можно было приобрести в Праге, свинину на рынке по ценам значительно ниже чешских, экспортированную из Казачьих Земель...

Острый недостаток корма наблюдается на Урале и в ряде других тамашних районов, что грозит полным истреблением скота. В Челябинском округе, в коммуне „большевик“, пало от истощения только за февраль с. г. свыше 26 лошадей. В Петропавловской коммуне, объединяющей 1.225 хозяйств, на 32.000 гект. (в которую входят казаки, немцы и русские) пали все лошади, а тракторы стоят без починки, тщетно ожидая когда окончится переписка учреждений об „ударном ремонте с.-х. орудий“. В этой коммуне протравлено всего лишь 4% посевных семян...

С другими с.-х. культурами также безнадежно плохо и на Казачьих Землях и в других местах СССР. Посевы подсолнуха во всем СССР едва достигли 28% прошлогоднего плана, значительно преуменьшенного.

Как легко большевикам измышлять различные планы в Казачьих Землях и как им трудно проводить их в жизнь, видно из следующих цифр. Уже прошел весь март, а до сих пор вместо предполагаемых к засею почти полтора миллиона гектаров удалось засеять только две тысячи с лишним гектаров подсолнечника. Обнаружилось, что в планах целого ряда крупных Совхозов Запорожья не имеет вовсе места культура подсолнечника, этого весьма важного по своему хозяйственному значению для промышленности Кубани, растения.

До разорительной оккупации Красной Москвой Казачьих Земель, Кубань помнит иные цифры, взятые из жизни, а не из „бумажных“ большевистских планов.

На Кубани в 1909—1913 г. собиралось свыше 26 миллионов пудов масляничных семечек ежегодно и по нашим железным дорогам перевозилось около 4 миллионов пудов подсолнечного масла, не считая местного потребления, превышавшего 2 мил. пудов. По преуменьшенному, грубому подсчету на Кубани ежегодно (до большевиков) подсолнуха засеивалось свыше 300.000 г. (В 1917 г. — 310 т. г. — Ивасюк, „Кубань“, стр. 24). Вместо 300.000 г. лишь 2 тыс. г. — это такое „достижение“, что от подобного „сверх успеха“ голова может закружиться и у не большевиков...

В связи с „общепризнанными“ успехами по коллективизации, на Дону и на Кубани наблюдается обратное явление, т. е. бегство из колхозов. В ст. Новолипецкой (Хопер. окр.) подано свыше 243 заявлений „разочаровавшихся“ о желании выйти из колхоза, в Свердловской коммуне 143, и в Янышевской 103.

Причины такого массового ухода из коллективного хозяйства — невыплата заработной платы, отсутствие приспособленных жилищ, специальной одежды, тяжелые материальные сборы с коллективистов в пользу т. о. „партии“, т. о. Мопра, отсутствие руководства партийных работников, а главное, то невыносимое положение, в которое попали жители Казачьих Земель под командой красных бригадиров. Эти чуждые для Крайя люди, стараются лишь тем или иным способом выжать хлеб, совершенно не понимая и не интересуясь, что будет с подчиненными им разоряемыми хозяйствами...

Как бы в ответ на „разорение“ с Кубани идут слухи о восстаниях, а в Черноморских станицах на базарах передают друг другу: „скоро придут наши“ („Молот“, 15 III. 30.)

О. Батурич.

К „коллективизации“ среди донских калмыков.

Много „блгодеяний“ оказали калмыкам большевики: истребили 50% всего населения; разрушили, уничтожили все буддийские монастыри-хурулы на Дону со всем их духовенством; всякими посулами и ложными обещаниями, а главным образом, физическим насилием, расстрелами часть донцев увели в Ставропольскую губернию, оторвали их от старых родных мест, привыч-

ных условий жизни, окончательно разорив благоустроенные калмыцкие станицы, народное хозяйство донских калмыков. В результате — родное калмыцкое гнездо разорено, а сами калмыки милостью большевиков обратились в нищих скитальцев.

Несмотря на ужасные угрозы и действительные репрессии, большая часть донцов продолжала оставаться на своих родных, насиженных местах; несмотря на дьявольские гонения на религию и все, что связано с нею, подвергаясь огромному риску, а часто неся жестокие кары, донские калмыки из осколков разбитых, разоренных, некогда красивых и богатых хурулов-храмов сооружали, создавали небольшие, бедные и убогие хурулы и, платя из своего скудного достояния бешеные налоги добивались возможности молиться в Храме Божьем; всяческими правдами и неправдами обходя советские законы, обманом, а чаще вручением соответствующей мзды местным большевистским царькам, избегая выполнения „парт-линии“, калмыки медленно, но упорно по отдельным кирпичикам собирали и воссоздавали свое разоренное хозяйство.

До какой изобретательности и находчивости они доходили в этой своей работе! И новость казалась, что „терпение и труд — все перетрут“. Уже было очень много калмыцких хозяйств, имеющих до 30—40 голов рогатого скота с соответствующими хозяйственными постройками. Например, в Ново-Алексеевской станице таких хозяйств, нам известных, было несколько. А общее количество скота этой станицы еще в 1925 году насчитывалось в несколько тысяч голов. Теперь все это отобрано большевиками и передано колхозам, а сами калмыки остались нищими!

В деле собирания, вопреки большевикам, своего хозяйства калмыки порою прибегали к предосудительным способам. Например, наличие в одном хозяйстве двух пар быков является достаточной причиной считать его хозяина „кулаком“ и отвести его в изгнание „лишителей“. Тогда хозяин идет в совет и делает официальное заявление, что он выделил своих двух сыновей: теперь, мол, у нас не только двух пар на хозяйство, но даже и по паре нет. Теперь мы по „закону“ имеем три хозяйства и мы бедняки, но у себя дома мы все вместе.

— „Религия — ошум народ!“ — „Духовенство — злые враги народа!“ — провозглашает власть. Нужно ругнуть духовенство? Хорошо, мы немного скричим душой, ругнем гелюнов на людях. Но у себя дома мы заплатим какой угодно налог за право молиться, пожертвуем последнюю копейку, но хурул себе построим и будем молиться.

Власть требует, чтобы семья была разрушена, чтобы дети входили в комсомол? — Хорошо! Идите, дети, в комсомол, кричите на людях о необходимости разрушить семейные устои, ругайте нас. Но у себя дома мы будем строго придерживаться старых своих дедовских порядков, соблюдать наши исторические традиции, бережно хранить наши семейные устои.

Власть требует, чтобы ее хвалили, а эмигрантов всячески поносили? Хорошо, с удовольствием. Но в своих письмах: „у нас сплошной ад, дяккол справляет свидьбу; нет сил, нет терпения переносить все их злодеяния и издевательства; когда же взойдет солнце, когда вы придете?“..

Так продолжалась эта игра в обман уже 10 лет. Казалось, что люди уже приспособились к этой игре, к требованиям власти, к условиям новой жизни, казалось, что эту игру можно будет продолжать долго, вплоть до того счастливого дня, когда будут свергнуты большевики.

Но пришел конец 1929 г. а за ним 1930. Вместе с ними встрясака над головами населения новая, неотвратимая беда и виде „стихийной коллективизации“. Мы не будем говорить о сущности этой „стихийной коллективизации“, о ней скажут и напишут другие, более сведущие люди, но приведем несколько примеров о тех резких противоречиях между задачей „коллективизации“ и интересами населения и о той трагедии, которая уже разыгралась и разыгрывается вокруг этого дела.

Задача „коллективизации“ — достигнуть высокой производительности труда, а население говорит: „а мы решали еще покамест поработать, лето переберемся, если перемены не будет, к осени тоже заколхозим“, т. е. когда придет охота бездельничать пойдем в колхозы. „Сталин хочет сделать (колхозы) максимально производительными, а крестьянство идет в колхоз для производственных целей“, т. е. идет туда, когда нечего

есть, чтобы прокормиться. А чтобы этой желанной для власти производительности в колхозах не было, „идя в колхозы, крестьяне предпочитают разбазаривать имущество, а не сохранять его“.

Результат этого резкого противоречия между населением и властью уже нелицо, ибо „те же крестьянские хозяйства, когда были индивидуальными имели зерно для посева. Теперь, сделавшись „социалистическими“, они остались без зерна“.

Власть говорит о добровольности, стихийности вхождения населения в колхозы, но на деле: не довернешься — бьют, перекараунишь — бьют. Уже имел место факт, что за уклонение от вхождения в колхоз расстреливали и за точное исполнение приказа начальства тоже расстреливали.

Власть трубит о стихийном стремлении населения к коллективизации, но население, разоренное и ограбленное, предпочитает добровольно умирать, саможарить самих себя („Дни“) и бегут из „земного рая“ — СССР куда глаза глядят — в Польшу, в Латвию, в Эстонию, в Персию, в Китай.

Вся эта вакханалия неслыханных издевательств, глумлений, ограблений населения под именем „стихийной коллективизации“ у людей „утративших всякое чувство к мукам живого человека“, у людей „морально ослепленных“, добровольных прислужников большевиков, не по непонятной причине за границей пребывать предпочитающих, находит исторический отклик.

— „Это (коллективизация) — начало новой эры, нового мира. Создается совершенно новая, небывалая в мире форма человеческого общения. Рождается новый человек с совершенно новой психологией, новым мировоззрением. Там“ огромные перспективы, неограниченные возможности для всякого честного, способного и трудолюбивого человека. Только „там“ жизнь и кто хочет жить, а не гнить в буржуазном мире — езжайте туда! — единым хором вопят эмигрантские большевики. К этому дружному хору большевистских подголосков усердно присоединяют свой слабый голос два-три калмыка-большевизина.

К сведению этих последних. Что „коллективизация“ не роит нового человека, не принесет ни счастья, ни благополучия человечеству, у нас совершенно не вызывает сомнения, но что она уже и сейчас принесла величайшую беду и непоправимое зло для калмыцкого народа — факт абсолютно бесспорный, не подлежащий никакому сомнению.

Вот письмо калмыка с Дона. В нем читаем: „...нас всех до нитки обобрали, ничего не оставили... Приказывают „добровольно“ иходить в колхозы... Из нашей станицы пятерых, в том числе братьев (Хулхачи и Тимофей) и Лиджа Ш., которые и после ограбления их уклонились от вхождения в колхоз, арестовали и сослали. В станице Б. 35 обобранных семейств „добровольно“ записались в колхозы... Обратились в нищих, ничего своего нет“..

Ограбили до нитки... ничего своего нет... арестовали и сослали...

Вот то реальное, что единственно принесла калмыкам „коллективизация“.

Ни религия, ни калмыцкой семьи, ни калмыцкого хозяйства! Но за то — колхоз! А главное теперь калмыки лишились всякой возможности балансировать, всевозможными хитростями обходить „парт-линию“ и что ни будь создавать и собирать для себя, ибо за малейшее уклонение „арестовывают и сылают“.

Теперь нет отдельной личности, а есть накрепко сцепленная большевиками масса; нет индивидуального хозяйства, а есть колхоз; нет семьи, а есть пыль человеческая; нет инициативы, а есть команда начальства; нет частной, вольной жизни, а есть законом, „нормальным уставом колхоза“ регламентированное арестантское существование; нет свободной жизни человека, а есть лишь военная муштра, арабесовщина, где не может быть свободной творческой инициативы человеческой личности, а есть фельдфебельский окрик, нудная, из рук падающая казенная каторжничья работа!

Это — подлинно новое, нигде в мире не существовавшее явление. „Планетарный“ опыт бесумных маньяков, сумасшедших над миллионами человеческих жизней.

Калмыцкое хозяйство еще раз, но окончательно разорено этой „новой жизнью“, а все способные, инициативные и честные наши братья высылаются в места не столь отдаленные, а оставшиеся обращаются в нищих скитальцев, в милых большевистскому сердцу „бедняков“, „батраков“, „пролетариев“ и т. д. Ш. Б.

www.elan-kazak.ru